

MATERIAŁY I SPRAWOZDANIA

RZESZOWSKIEGO
OŚRODKA
ARCHEOLOGICZNEGO

XXXV

Muzeum Okręgowe w Rzeszowie
Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego
Fundacja Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego

MATERIAŁY I SPRAWOZDANIA
Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego

Tom XXXV

Rzeszów
2014

Komitet Redakcyjny:
Sylwester Czopek, Václav Furmánek (Słowacja), Diana Gergova (Bułgaria),
Sławomir Kadrow, Michał Parczewski, Aleksandr Sytnyk (Ukraina)

Zespół stałych recenzentów:
Jan Chochorowski, Igor Chrapunov (Krym), Wojciech Chudziak, Eduard Droberjar (Czechy),
Lubomira Kaminská (Słowacja), Przemysław Makarowicz, Anna Zakościelna

Pozostali recenzenci tomu XXXV:
Wojciech Blajer, Andrzej Kokowski, Maria Łanczont, Michał Parczewski, Janusz Rieger,
Marcin Wołoszyn, Paweł Valde-Nowak, Jarosław Żrałka

Redaktor
Sylwester Czopek
(sycz@archeologia.rzeszow.pl)

Sekretarze Redakcji:
Joanna Ligoda, Joanna Podgórska-Czopek
(archo@muzeum.rzeszow.pl)

Strona internetowa czasopisma:
www.archeologia.univ.rzeszow.pl/?page_id=337

Tłumaczenia
Barbara Jachym – język niemiecki
Beata Kizowska-Lepiejza – język angielski

Zdjęcie na okładce:
Naczynie kultury Chimú (fot. Maria Szewczuk, Marek Kosior)

© Copyright by Muzeum Okręgowe w Rzeszowie
© Copyright by Instytut Archeologii UR
© Copyright by Fundacja Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego
© Copyright by Oficyna Wydawnicza „Zimowit”

ISSN 0137-5725

WYDAWCA

Muzeum Okręgowe
w Rzeszowie
35-030 Rzeszów
ul. 3 Maja 19
tel. 17 853 52 78

Instytut Archeologii
Uniwersytetu Rzeszowskiego
35-015 Rzeszów
ul. Moniuszki 10
tel. 17 872 15 90

FUNDACJA

RZESZOWSKIEGO OŚRODKA
ARCHEOLOGICZNEGO
Fundacja Rzeszowskiego
Ośrodka Archeologicznego
35-015 Rzeszów
ul. Moniuszki 10
tel. 17 872 15 81

Oficyna Wydawnicza
„Zimowit”
35-604 Rzeszów
ul. Zimowita 6/5
oficyna.zimowit@gmail.com

*W 2014 roku
Profesor Tibor Kemenczei
obchodzi jubileusz 75-lecia urodzin.
Z tej okazji wybitnemu badaczowi
epoki brązu i wczesnej epoki żelaza
ten tom poświęcamy*

Redakcja

SPIS TREŚCI

Tibor Kemenczei – 75	7
----------------------------	---

STUDIA I MATERIAŁY

Jan Chochorowski , Scytowie a Europa Środkowa – historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości	9
Janusz Kowalski-Bilokrylyy , Pochodzenie kolczyków typu Kłyżów	59
Josyp J. Kobał , Scheibengedrehte graue Keramik der Kuštanovice Kultur aus Transkarpatien (Ukraine)	65
Sylwester Czopek, Andrzej Pelisiak , Remarks on the Tarnobrzeg Lusatian culture flintworking with particular emphasis on settlement materials	77
Monika Kuraś, Tomasz Tokarczyk , Osada tarnobrzesckiej kultury łużyckiej na stanowisku numer 26 w Sarzynie, pow. leżajski	87
Anna Bajda-Wesołowska, Tomasz Bochnak, Monika Hozer , Bogaty grób kobiety z wczesnej epoki żelaza odkryty w miejscowości Zabłotce, pow. jarosławski, stan. 27	105
Agnieszka Reszczyńska , Nowe materiały do poznania włókiennictwa kultury przeworskiej z obszaru południowo-wschodniej Polski	127
Юрий А. Пуголов, Сергей А. Горбаненко , Печь как культовое место в жилище северян: археологические данные	141
Tomasz Dzieńkowski , Stan, potrzeby i perspektywy badań archeologicznych nad wczesnym średniowieczem zachodniej części ziemi chełmskiej	151
Marek Florek , Czy „grodzisko” to dawny, zniszczony gród? O niebezpieczeństwach korzystania ze źródeł topomastycznych	171
Wojciech Krukar , Uwagi historyczno-geograficzne do hydronimii wschodniej części Karpat polskich	189

SPRAWOZDANIA I KOMUNIKATY

Piotr Gębica, Sławomir Superson, Monika Hozer, Anna Bajda-Wesołowska , Geoarcheologiczny zapis ewolucji doliny Wisłoka na przykładzie stanowiska nr 19 w Białobrzegach	217
Sławomir Superson , Znaczenie datowań archeologicznych i radiowęglowych w określaniu wieku współczesnych aluwii powodziowych na stanowisku Budy Łańcuckie III	227
Marta Połtowicz-Bobak, Dariusz Bobak, Piotr Gębica , Nowy ślad osadnictwa magdaleńskiego w Polsce południowo-wschodniej. Stanowisko Łąka 11–16 w powiecie rzeszowskim	237
Michał Dobrzyński, Michał Parczewski, Katarzyna Piątkowska, Małgorzata Rybicka , Zabytki kultury pucharów lejkowatych w miejscowości Jasienica Sufczyńska, stan. 5, na Pogórzu Przemyskim	249
Elżbieta M. Kłosińska , Nieznana szpila brązowa z miejscowości Pasięki, pow. Tomaszów Lubelski	259
Elżbieta M. Kłosińska , Unikatowa fibula brązowa z terenu Lubelszczyzny	263
Piotr N. Kotowicz , Ostroga żelazna z okresu wpływów rzymskich z Międzybrodzia, pow. Sanok	269
Magdalena H. Rusek, Kamil Karski , The double-chambered vessel of the Chimú culture in the Castle Museum in Łańcut	273
Oksana Adamyszyn , Działalność archeologiczna Jurija Zacharuka na zachodzie Ukrainy (z okazji 100-lecia urodzin)	281

RECENZJE

Tadeusz Malinowski , (rec.) Alina Jaszewska, Sławomir Kałagate (red.), <i>Wicina. Badania archeologiczne w latach 2008–2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny</i> , wyd. Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział Lubuski, Fundacja Archeologiczna, Zielona Góra 2013, 593 strony, ilustracje, ISBN 978-83-938557-0-4	285
Edyta A. Marek , (rec.) Leszek Gardeła, Kamil Kajkowski (red.), <i>Motywy przez wieki. Tom 1. Motyw głowy w dawnych kulturach w perspektywie porównawczej</i> , Bytów 2013, 303 strony	291

„AAASC”	– „Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae”, Budapest
„AAC”	– „Acta Archaeologica Carpathica”, Kraków
„AAR”	– „Analecta Archaeologica Ressoviensia”, Rzeszów
„AHP”	– „Archaeologia Historica Polona”, Toruń
„AMM”	– „Acta Militaria Mediaevalia”, Kraków – Sanok
„APolski”	– „Archeologia Polski”, Warszawa
„APŚ”	– „Archeologia Polski Środkowowschodniej”, Lublin
„AR”	– „Archeologické Rozhledy”, Praha
„FAP”	– „Fontes Archaeologici Posnanienses”, Poznań
„IA”	– „Informator Archeologiczny”, Warszawa
„Kwartalnik HKM”	– „Kwartalnik Historii Kultury Materialnej”, Warszawa
„MA”	– „Materiały Archeologiczne”, Kraków
„Mat. Star.”	– „Materiały Starożytne”, Warszawa
„Mat. Star. Wcz.”	– „Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne”, Warszawa
„Mat. Wcz.”	– „Materiały Wczesnośredniowieczne”, Warszawa
„(M)SROA”	– „(Materiały) i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego”, Rzeszów
„PamatkyA.”	– „Památky Archeologické”, Praha
„PBF”	– „Prähistorische Bronzefunde”, München
„PMMAiE”	– „Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi”, Łódź
„Pom. Ant.”	– „Pomorania Antiqua”, Gdańsk
„Prz. Arch.”	– „Przegląd Archeologiczny”, (Poznań, Wrocław – Poznań)
„RChełmski”	– „Rocznik Chełmski”, Chełm
„RPrzemyski”	– „Rocznik Przemyski”, Przemyśl
„Sil. Ant.”	– „Silesia Antiqua”, Wrocław
„Slav. Ant.”	– „Slavia Antiqua”, Poznań
„Spr. Arch.”	– „Sprawozdania Archeologiczne”, Kraków
„WA”	– „Wiadomości Archeologiczne”, Warszawa
„ZOW”	– „Z otchłani wieków”, Warszawa

Юрий А. Пуголовок*, Сергей А. Горбаненко**

Печь как культовое место в жилище Северян: археологические данные

An oven as a place of worship in huts of Severians. Archaeological data

The article discusses the sources coming from archaeological sites affiliated to the Romny and Wolyncewo cultures revealing evidence of a particular (cult) role of the oven in the culture of Slavs. There are many indicators that the discussed device was present in every household, and it played a role of an altar to some extent, where offerings were made for the household deity to get his protection and favour.

KEY WORDS: Severians, culture romenińska, oven, worship, hut, rite

Археологических источников относительно мировоззренческих представлений летописных северян существует мало, даже по сравнению со сведениями о других летописных племенах (Б.А. Рыбаков 1981, 1987; В.В. Седов 1982, с. 261–268; Л.С. Клейн 2004; Н.П. Русанова, Б.А. Тимошук 2007). Не слишком информативны в этом вопросе и летописные сведения (Літопис... 1989, с. 8–9). Таким образом, любая фиксация в процессе археологических раскопок на жилых памятниках роменской культуры явлений или вещей, выходящих за пределы бытовых, воспринимается как факт неординарный, нуждающийся в публикации.

Роменская археологическая культура известна более ста лет; исследования памятников летописных северян продолжают и по сей день. Однако, за длительный период их исследований, древности, обнаруженные в ареале культуры и связанные с культовыми местами, практически не встречались. Ныне, по интерпретациям исследователей, к ним принадлежит несколько комплексов. Речь идет о жилище с жертвенником, исследованном на городище Мохнач (В.В. Колода 2001), и о комплексе ям, обнаруженном на городище Заречное I, который связывают с остатками святилища (П.Н. Третьяков 1947, с. 131–132, Рис. 4; Ю.М. Берест, Э.М. Осадчий 2001, с. 105–106). Пожалуй, этим и ограничивается перечень каких-либо свидетельств о культах у северян, известных из научной литературы.

Между тем, различного рода культы были широко распространены и, видимо, являлись достаточно обыденным явлением. Ныне нам известны три примера, имеющих явно культовое происхождение, связанных с таким обыденным и повсеместно распространенным на жилых памятниках славян устройством, как печь. Один из примеров «бытового» культа северян зафиксирован более

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников: 1 – Шестовица; 2 – Полтава

Ryc. 1. Lokalizacja stanowisk: 1 – Šestovica k. Czernihowa, 2 – Poltava

полувека назад на Шестовицком городище; два других стали известны на протяжении последних лет благодаря активным и тщательным археологическим исследованиям посада летописной Лтавы (рис. 1).

1. В 1948 г. исследованиями Шестовицкой археологической экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Д.И. Блифельда на городище в ур. Коровель в средней части был заложен шурф, впоследствии превращенный в раскоп 1 (Д.И. Блифельд 1948/11, с. 5–10, табл. VI–XIII; 1952, с. 126–127). В раскопе было обнаружено жилище 1 подпрямоугольной формы, ориентированное

* Украина, 38164, Полтавская область, Опошня, ул. Партизанская, 102, raudbard@ukr.net

** Украина, 04210, Киев 210, просп. Героев Сталинграда, 12, gorbanenko@gmail.com

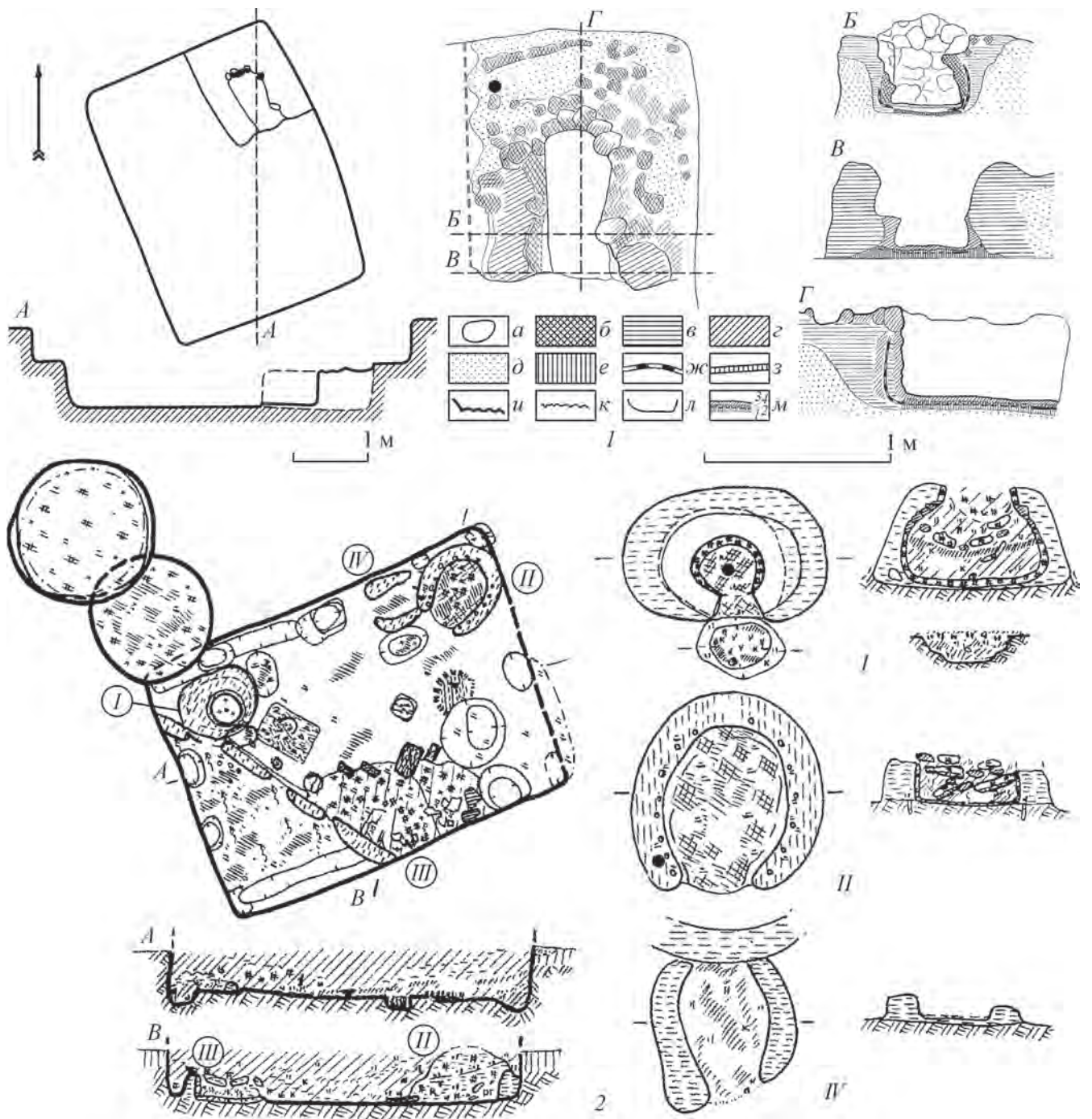

Рис. 2. Планы и профили (прописные буквы) жилищ и печей роменской культуры: 1 – Шестовица, ур. Коровель, городище, раскоп 1, жилище 1/1948 (а – «конусы»; б – обожженная глина; в – глина; г – печина; д – песок; е – зола; ж – остатки первой стены; поды: з – первый; и – второй; к – третий; л – четвертый; м – первый-четвертый); 2 – Полтава, Институтская гора, раскоп III, жилище 6/2007 (римские цифры – порядковые номера печей). Черным кругом обозначены места находок посуды
 Rys. 2. Plany i profile chat oraz pieców romeńskiej: 1 – Šestovica, stan. Koroveľ, grodzisko, wykop 1, chata 1/1948 (a – „chlebki”, б – wypalona glina, в – glina, г – polepa, д – piasek, е – popiół, ж – reliktы pierwotnej ścianki pieca; poziom dna paleniska: з – pierwszy, u – drugi, к – trzeci, л – czwarty, м – wszystkie łącznie); 2 – Poltava, Instytutskaà gora, wykop III, chata 6/2007 (cyfry rzymskie – porzàdkowe numery pieców). Czarnym kółkiem zaznaczono miejsca odkrycia naczyń

длинной осью по линии юго-восток–северо-запад. Размеры котлована жилища 3.75×2.5 м, высота бортиков 0.60 м, пол находился на глубине 1.25 м от уровня современной поверхности. Каких-либо деталей конструкции периметра жилища не обнаружено (рис. 2: 1).

В северо-восточном углу жилища, впритык к его стенкам, исследована печь хорошей сохранности. Печь была ориентирована устьем на северо-восток; имела прямоугольную форму: длина 1.30, ширина 1.20 м; размеры пода 0.70×0.40 м. Стены, практически вертикальные, сохра-

нились на высоту 0.40–0.50 м. Печь была вырезана в песчаном останце и спереди облеплена глиной, а изнутри обложена глиняными конусами (вальками). Под имел незначительный уклон к устью печи, которое возвышалось над полом жилища приблизительно на 0.10 м. Свод не сохранился. При разрезе печи оказалось, что ее четырежды ремонтировали посредством настила пода и обмазки, или долепления стенок (рис. 2: 1). Особенность в устройстве печи, привлекающая наше внимание, обнаружение в ее теле миниатюрного лепного горшка. Он был расположен в северо-западной стенке печи, ближе к внешнему краю. Горшочек тонкостенный, высотой 4.5 см, с отогнутым венчиком диаметром 5.0, диаметром доньшка 2.5 см (Д. І. Бліфельд 1948/11, с. 8). Исследователь отметил, что, возможно, горшочек следует зачислить к вещам культового характера (Д. І. Бліфельд 1952, с. 126). Горшочек не имеет никакой орнаментації, тесто с видимыми примесями шамота; вторичный обжиг отсутствует (рис. 3: 1).

Материал хранится в Научных фондах Института археологии НАН Украины, коллекция № 37 (Колекції... 2007, с. 212).

2. Осенью 2007 г. Полтавским отрядом археологической экспедиции Центра охраны и исследований памятников археологии (ЦОИПА) были проведены спасательные раскопки на участке посада летописной Лтавы, размещенном на Институтской горе в юго-западной части исторического ареала г. Полтава, где сохранились культурные наслоения роменской культуры и древнерусского времени.

Наиболее интересные результаты получены в ходе исследований в раскопе III по адресу просп. Первомайский, 21 (О. Б. Супруненко, Ю. О. Пуголюк 2008).

Во время раскопок зафиксирована линия древнего склона холма с размещенным на его краю жилищем ро-

менской культуры. Установлено также местонахождение там же части хозяйственной зоны одной из усадеб посада XII – начала XIII вв., что соответствует следующему древнерусскому этапу существования поселения, и поселку послемонгольской эпохи.

Исследованное жилище роменской культуры привлекает внимание в первую очередь тем, что в нем удалось проследить как минимум три этапа перестройки (рис. 2: 2). Среди них, учитывая уже имеющуюся полную публикацию комплекса (О. Б. Супруненко, Ю. О. Пуголюк 2008), подробно остановимся на втором, во время которого была сведена печь II.

Устройство, сохранившееся в виде останца, высотой 0.20 м, округлой в плане формы, размерами 1.05×(1.10–1.20) м, с толщиной стенок 0.18–0.20 м, и устьем, повернутым на юго-восток–юг, шириной 0.40 м (рис. 2: 2 II). Печь обустроена на материковом дне из принесенного извне суглинка, с использованием каркаса из прутьев, следы которых, в виде 15 ямок, расположенных по кругу, хорошо прослежены при разрезе остатков сооружения (рис. 2: 2 II). Глубина таких ямок – 0.10–0.15 м, диаметр – 0.02–0.03 м, были заполнены пеплом и угольками. От печи неплохо сохранился единственное хорошо обожженное печище, овальной в плане формы, размерами 0.66×0.90 м, толщиной 0.04 м, без каких-либо вмонтированных в него обломков посуды или камней.

Особенность сооружения печи II – миниатюрный лепной роменский горшочек, помещенный в замес ее западной стенки возле устья, подвергшийся вторичному обжигу во время пребывания в массиве отопительного сооружения. Горшочек высотой 7.5, с диаметром туловища 7.8, дна 5.5 см, с коротким отогнутым венчиком, украшенным по срезу отпечатками гусеничного штампа вправо, а на туловище

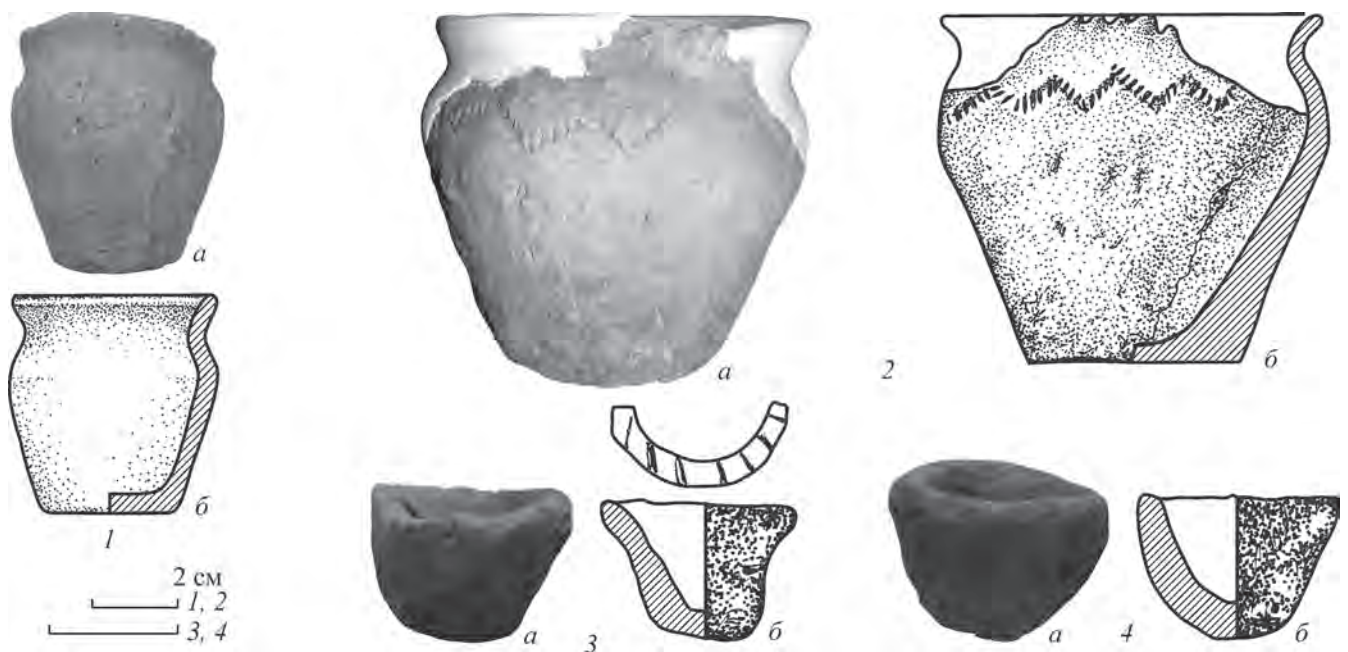

Рис. 3. Культурные сосуды (а – фото, б – прорисовка): 1 – горшочек (Шестовица, ур. Коровель, городище, раскоп 1, жилище 1/1948, печь); 2 – горшочек из печи II, 3, 4 – миниатюрные сосуды из печи I (Полтава, Институтская гора, раскоп III, жилище 6/2007)
 Rys. 3. Naczynia kultowe (а – zdjęcie, б – rysunek): 1 – garnuszek (Šestovica, stan. Koroveľ, grodzisko, wykop 1, chata 1/1948, piec); 2 – garnuszek z pieca II; 3, 4 – naczynia miniaturowe z pieca I (Poltava, Institut'skaâ gora, wykop III, chata 6/2007)

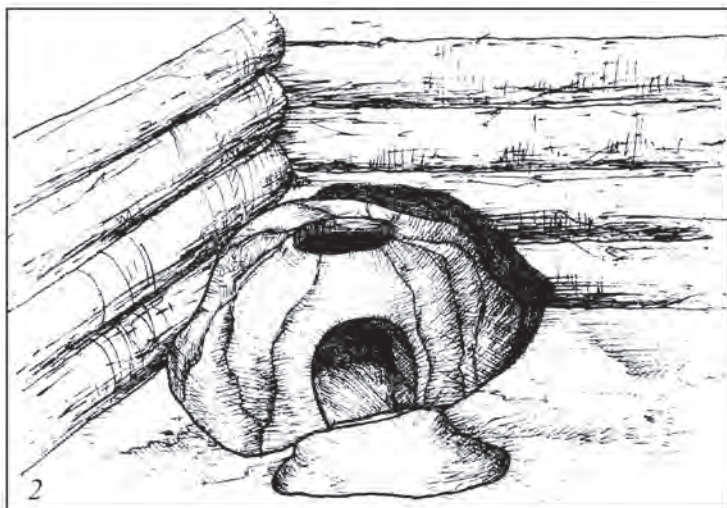
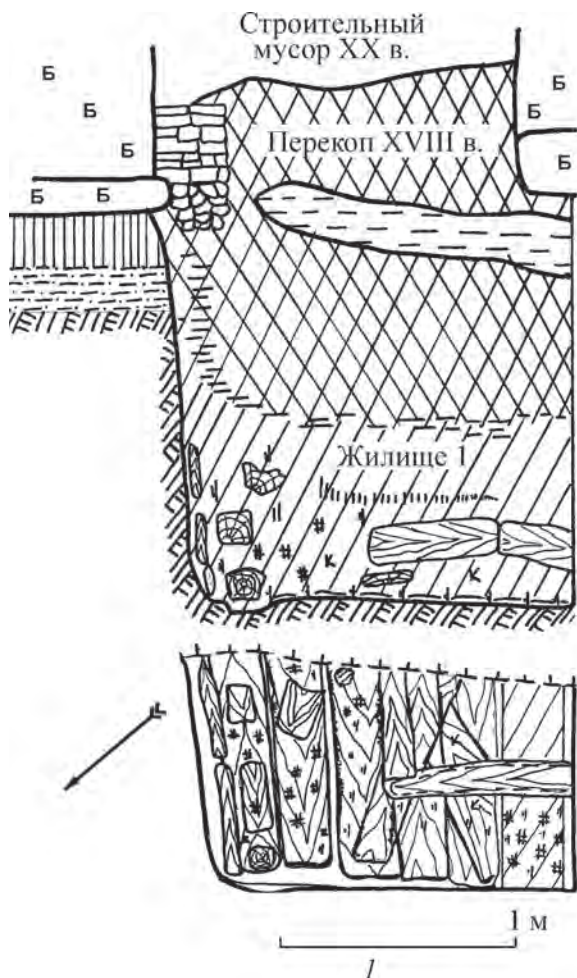

Рис. 4. Полтава, Иванова гора, траншея 2, жилище 1/2013; план и профиль (1). Графическая реконструкция общего вида типичной печи позднего этапа роменской культуры (2)
 Рис. 4. Połtawa, Ivanova góra, wykop 2, chata 1/2013, plan i profil (1). Rekonstrukcja typowego pieca z późnego etapu rozwoju kultury romeńskiej (2)

– полоской такого же зигзага (рис. 3: 2). Внутри горшочка была смесь глины и перегоревших зерен¹ (О. Б. Супруненко, Ю. О. Пуголюк 2008, с. 124–125; Ю. О. Пуголюк 2009, с. 57).

Материал хранится в фондах Полтавского краеведческого музея.

Описанные выше два примера не имеют других прямых аналогий. Благодаря материалам, полученным в ходе раскопок в Полтаве, можем предположить, что горшочек из жилища 1/1948 Шестовицы также содержал что-то ценное с нематериальной точки зрения. Однако, ныне, естественно, узнать об этом невозможно.

Также, к кругу аналогий могут быть зачислены найденные в том же жилище две миниатюрные посудинки, которые были обнаружены в завале топочной камеры печи I (Дослідження... 2009, с. 95). Посудинки были со слегка отогнутыми наружу стенками и неровными донцами. Одна из них орнаментирована по срезу венчика косыми насечками разной глубины; на другой орнамент отсутствовал. Высота посудин 2.1, 2.2; диаметр верха 3.1, 3.2; доньшеч 1.9 см (рис. 3: 3, 4). Некоторое отдаленное подобие к приведенным примерам можно увидеть лишь в найденных в непосредственной близости от печей миниатюрных сковородках, происходящих из раскопок И. И. Ля-

пушкина на городище в Опoшне. Изделия диаметром 3.0–3.5 см были обнаружены в завалах разрушенных печей, и поэтому неясно, были ли они встроены в массив, или нет (И. И. Ляпушкин 1961, с. 282–285, рис. 134: 4, 5, 8). Добавим также, что, видимо, примеров вмонтирования миниатюрной посуды в печи у славян могло бы быть гораздо больше, собственно, при их лучшей сохранности.

3. Летом 2013 г. Полтавская археологическая экспедиция ГП НИЦ «ОАСУ» ИА НАН Украины на территории городища летописной Лтавы (на Ивановой горе) проводила охраняемые археологические исследования, в результате которых получены выразительные материалы роменской культуры и древнерусского времени. Среди них привлекает внимание жилище 1 роменской культуры, обнаруженное в траншее 2. Жилая постройка, котлован которой углублен от уровня древнего горизонта на 2.75 м, ориентирована углами по сторонам света. Пол ровный, материковый, верхняя часть заполнения котлована повреждена перекопом XVIII в. В нижней части жилища обнаружены остатки горелых деревянных конструкций, которые равномерно залежали по всей площади котлована постройки (рис. 4: 1). Остатки изделий из дерева представлены досками, шириной 0.20–0.22 м и тремя подквадратными в сечении бревнами, лежавшими друг на друге, вдоль северо-восточного борта котлована (рис. 4: 1). В западной части обнаружены остатки печи в виде скопления обожженной глины и части конструкции печи; собствен-

¹ Определения не проводились.

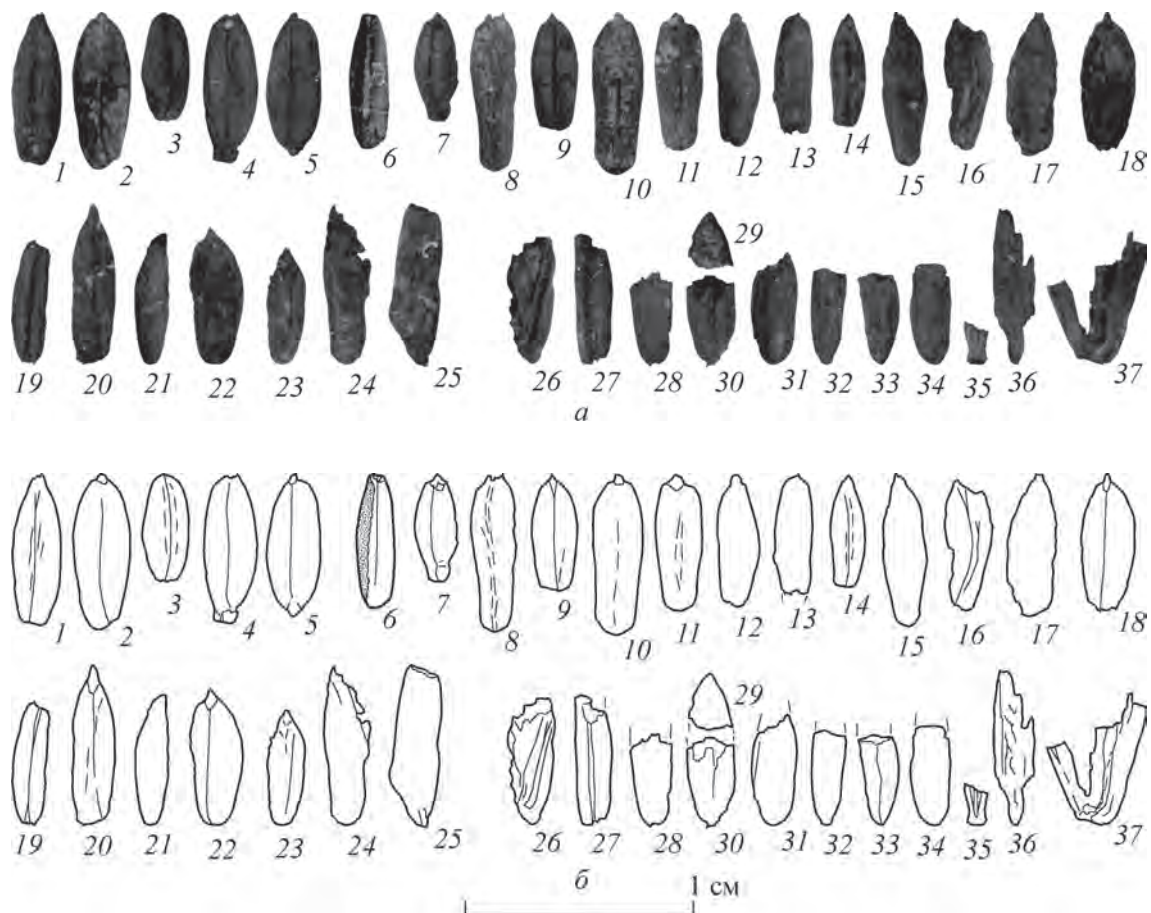

Рис. 5. Полтава, Иванова гора, траншея 2, жилище 1/2013, обмазка печи. Зерновки ржи (а – фото; б – прорисовки): 1–25 – целые экземпляры (см. таблицу); 26–34 – фрагменты; 35 – основа колоска; 36, 37 – пленки
 Rys. 5. Połtawa, Ivanova góra, wykop 2, chata 1/2013, polepa z pieca. Ziarniaki żyta (а – zdjęcie, б – rysunek): 1–25 – całe egzemplarze, 26–34 – fragmenty, 35 – nasada kłosa, 36, 37 – plewy

Таблица 1

Параметры зерновок ржи из обмазки печи жилища 1/2013 городища летописной Лтавы

Tabela 1

Parametry ziaren żyta odkryte w polepie pieca z chaty 1/2013, grodzisko Połtawa (latopisowa Łtawa)

Рис. 5, позиция	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, B	Длина, L	
1	2.24	6.72	3.00
2	2.62	6.94	2.65
3	2.18	4.83	2.20
4	2.47	6.67	2.70
5	2.51	6.35	2.53
6	2.35	7.60	3.23
7	2.02	4.83	2.39
8	2.12	7.03	3.32
9	2.13	5.23	2.50
10	2.32	7.18	3.09
11	2.17	6.13	2.82
12	1.98	5.94	3.00
13	1.85	5.40	2.92

Рис. 5, позиция	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, B	Длина, L	
14	1.63	5.05	3.10
15	2.07	6.84	3.30
16	2.22	5.88	2.65
17	2.30	6.35	2.76
18	2.49	6.15	2.47
19	1.74	5.55	3.19
20	2.00	7.15	3.58
21	1.57	5.83	3.71
22	2.44	6.06	2.48
23	1.79	5.18	2.89
24	2.18	7.06	3.24
25	2.42	7.15	2.95

но, печь не выявлена. Из числа обломков отопительного сооружения выделяется фрагмент верхней (?) части топочной камеры, который отличался несколько пористой структурой. Размеры фрагмента 16.8×10.4 см.

После осмотра и изъятия зерновок путем разрушения, части обмазки в коллекцию не брались.

Описанный фрагмент конструкции (свода) печи оказался довольно интересным для интерпретации: внутри него при детальном рассмотрении обнаружено довольно значительное количество уцелевших обгоревших зерновок культурных растений. Насыщенность ими формовочной массы, из которой потом была построена печь, значительная: примерно 1 зерновка на 10–15 см³. Все зерновки, которые удалось изъять, оказались исключительно зерновка

ржи (*Secale cereale*); никаких других культурных растений обнаружено не было. Формовочная масса также содержала органические примеси (полова, посеченная трава).

Обнаруженные зерновки в целом были удовлетворительной сохранности. Некоторые из них потеряли уязвимые части (зародыши), другие существенно деформировались под воздействием огня (рис. 5). Также следует отметить, что зерно не было «сортированным» – в формовочной массе были как самые крупные (с середины колоса), так и небольшие (с краев) экземпляры. Поэтому параметры зерновок значительно варьируют (таблица). Также удалось изъять из глиняного теста одну уцелевшую основу колоска и две пленки (рис. 5: 35–37) (С. А. Горбаненко, Ю. О. Пуголовков 2014).

* * *

Учитывая слабую изученность культов северян в быту, следует подробнее остановиться на возможной приемлемой интерпретации описанных фактов.

Известно, что печь занимает ведущее место в хозяйственной и ритуально-мифологической сферах жизни славян. Любые контакты с ней имели оттенок ритуальных или даже магических действий. Символическое значение печи наполнялось различным содержанием, зависевшим от обрядового контекста. С печью связаны основные характеристики организации внутреннего жилого пространства, она ассоциируется с упорядоченным местом проживания людей, поскольку является источником тепла и местом приготовления пищи.

О значительной роли печи в хозяйственной и ритуальной сферах жизни славян свидетельствует также и то, что в конструкции печи отображается вертикальная система строения мира, вроде мирового дерева: дым от печи связывают с верхним, небесным миром; массив печи – со средним миром, упорядоченным миром людей; пространство под печью – с потусторонним миром (А. К. Байбури 1983, с. 160–167).

С печью связаны многочисленные обряды, касающиеся аграрных культов и культа предков. Заметим, что из всех работ, связанных с обустройством интерьера жилища, только сооружение печи имело выраженный ритуальный характер (А. К. Байбури 1983, с. 161).

Учитывая сказанное, важной является и находка обмазки печи с примесью ржи из жилища 1/2013 Лтавы. Невзирая на то, что этот пример не имеет столь ярко выраженного обрядового характера, как встраивание миниатюрного горшка в под печи, но, с нашей точки зрения, имеет довольно значительную степень сходства в действиях и их значениях. Тем более, учитывая то, что в обоих случаях использованы одинаковые материалы: глина и зерно.

Среди подобных фрагментов обмазки, осмотренных непосредственно нами, а также среди опубликованных данных и этнографических материалов, до сих пор единственным близким примером к материалам из жилища 1/2013 Лтавы является обмазка топливника печи с казацкой землянки XVII в. из Чугуевского городища, на наружной поверхности которого зафиксировано значительное коли-

чество отпечатков зерновок ржи (Г. Э. Свистун, Г. О. Пашкевич, С. А. Горбаненко 2010). Заметим, что в этом случае никакой рациональной потребности в таком добавлении зерновок не было, поскольку зерновки ржи были как бы «втерты» после сооружения печи только в ее внешнюю поверхность; остальной массив вообще не содержал никаких примесей органического происхождения.

Обычно растительные примеси добавляют с функциональной целью; их примешивают непосредственно к формовочной массе для улучшения вязкости массы на начальном этапе ее формирования. Примеров из археологических источников огромное количество. Глиняная обмазка чуть ли не с каждого памятника любой археологической культуры, носители которой занимались земледелием, содержит значительное количество отпечатков органических примесей. Так же, с «этнографического» времени и до наших дней включительно в сельской местности используют этот прием во время строительства или ремонта каркасно-столбовых сооружений, а также частично для подмазки стен, независимо от способа их постройки.

Таким образом, не вызывает сомнений, что добавление именно зерновок в глину не имело функционального значения, т. е. не было обусловлено технологическими или какими-либо другими приемами. Это дает основания сделать вывод о нефункциональном использовании зерновок ржи. Единственным логичным объяснением этому факту может быть только некое культовое / обрядовое использование зерна.

Здесь следует отметить, что использована именно рожь. Собственно, название «жито» имеет общеславянское происхождение (Л. Нидерле 1924, с. 62; Ю. В. Готье 1930, с. 113; В. В. Мавродин 1946, с. 29–31). Это название часто фигурирует в летописях: «Под **житом** в письменных источниках подразумевают различные виды зерновых культур. Основной же была рожь. О том, что ржаной хлеб был главным видом пищи можно судить по тому, что при перечислении цен на продукты на первое место летописцы ставили **рожь**. Она являлась как бы эталоном цен» (В. П. Левашова 1956, с. 50).

В устной народной традиции в «этнографическое» время (и до сих пор) на довольно широких пространствах,

под названием «жито» могли понимать любые зерновые, распространенные на определенных территориях: «Хлеба эти в своих местах (где их много) настоящими именами не называются, а слынут под общим прозвищем **жита**. На юге, по черноземным местам, житом называют *рожь*, за рекой Волгой к Сибири всякое яровое зерно **жито** (и греча, и пшеница, и ячмень, и овес); на севере по Волге и Архангельской губернии жито – только один ячмень, а в Твери и по верхней Волге это только яровая рожь ...» (С. В. Максимов 1873).

Автор словаря украинского этнокультурной символики В. В. Жайворонок приводит следующие данные об этом символе в жизни украинцев: «... житом (слово, споріднене із *жити*, *життя*) у народі називали не лише власне цей злак, але ... жито як хліб, основа життя людини ...; рослина – символ плодючості і багатства, тому часто є дійовою особою в ритуалі ...; сніп **жита** (як одне життя) вносить в хату й на Різдво ...; як символ життя жито клали під хату, коли її будували ...; перепаленому житю й житньому борошну приписують лікувальні властивості ...»² (В. В. Жайворонок 2006, с. 221). Это представляется достаточно красноречивым и в дополнительных комментариях не нуждается.

В словаре В. И. Даля находим, что жито, возможно, происходит от глагола «жить» (поставлен вопросительный знак). В русском языке жито – достаточно широкое понятие: от собственно ржи, до любых зерновых и необмолоченного хлеба. Характерно также, что собственно жито как зерно (узкое понятие), в русском языке присутствует в говорах юга и юго-запада России (Словарь Даля; Школьный...), то есть на исторических территориях Слободской Украины, и сопредельных территориях, где и сейчас живет довольно значительное количество этнических украинцев.

В археологической практике за весь период «археологической истории» наберется немного примеров обрядового использования собственно ржи. Известный ныне пример – закладка части урожая в котлован здания (жилища), очевидно, на благосостояние, происходит из материалов Битицкого I городища волынцевского времени на Сумщине (Г. А. Пашкевич 1991, с. 44), которое также отождествляется с летописным северянами. Там в столбовой ямке полуземлянки была обнаружена пшеница пленчатая (*Triticum dicoccon*) в значительном количестве, с довольно значительной примесью пшениц мягких голозерных (*Triticum aestivum*, s. l.). Другие зерновки культурных растений найдены в количествах, которые наводят на мысль, что они случайно попали к урожаю пшеницы.

Из археологической литературы также известны примеры обрядового использования зерен злаковых культурных растений в изделиях из глины. Это явление распро-

² «... житом (слово, родственное с *жить*, *жизнь*) в народе называли не только собственно этот злак, но ... жито как хлеб, основа жизни человека ...; растение — символ плодородия и богатства, поэтому часто является действенной особой в ритуале ...; сноп **жита** (как одну жизнь) вносится в хату и на Рождество ...; как символ жизни жито клали под хату, когда ее строили ...; пережженному житю и житней муке приписывают лечебные свойства ...»; перевод наш — С. Г., Ю. П.

стринилось, видимо, одновременно с возникновением земледелия и широким внедрением глиняного производства. Яркими примерами являются статуэтки, присущие трипольской культуре, к которым добавляли целые зерна в ритуальных целях. Статуэтки, как считается, символизировали культ плодородия. Многочисленные палеоэтноботанические данные с более чем ста трипольских поселений свидетельствуют о том, что рожь тогда еще не выращивали. Считается, что как культурное растение она появилась лишь в конце II тыс. до н. э., а привычным стала в железном веке.

У славянских племен, выделившись из засорителей полей на рубеже эр в отдельную культуру, это растение в XIII в. заняло одно из ведущих мест среди зерновых. Постепенное увеличение культивирования ржи привело к тому, что этот злак превратился из сопутствующей культуры пленчатой пшеницы и ячменя в одну из доминант.

Много других примеров использования культурных растений как примеси к глине также имеют, видимо, обрядовую, культовую окраску. Среди них достаточно показательным является находка «хлебцев», на Бельском городище раннего железного века экспедицией ЦОИПА под руководством А. Б. Супруненко (поселение в ур. Поле второй бригады; конец V – IV вв. до н. э.). Результаты анализа показали, что зерновки проса (*Panicum miliaceum*) были примешаны к глине и перемешаны. Вполне вероятно, что это должно свидетельствовать об определенных культовых действиях, связанных с плодородием и урожайностью (Г. А. Пашкевич, С. А. Горбаненко 2009). В таком случае, возможно, также имеем дело с использованием в ритуальных целях злака, который у скифов был среди основных употребляемых зерновых растений, что подтверждается письменными источниками [Herod., IV, 17] и палеоэтноботаническими исследованиями (см., напр.: Г. А. Пашкевич 2000, с. 101–109).

В материалах роменской культуры использование добавления злаков в формовочную массу изделий из глины не бытового назначения также зафиксировано исследователями. Большинство из них относится к мелкой керамической пластике, на поверхности или в формовочной массе которой обнаружены эти примеси (Ю. О. Пуголовков 2009, с. 158–160). В материалах Опощнянского городища на миниатюрной посуде известны отпечатки зерновок проса (?)³ и других культур; их обнаружили в формовочной массе зооморфных фигурок (О. В. Сухобоков, С. П. Юренко 1995, с. 54, 56, 58). На Полтавском поселении, в хозяйственной яме 34, рядом с погребенным, обнаружен лепной глиняный диск («хлебец»), на одной из сторон которого зафиксированы отпечатки проса (?)⁴ (И. М. Кулатова, К. М. Мироненко, В. В. Приймак, О. Б. Супруненко 1999, с. 65, рис. 28: 1; А. В. Артем'ев 1999, с. 69).

Таким образом, если придерживаться археологических аналогий, следует принять целенаправленность добавления зерновок в глиняную формовочную массу (в данном случае массу, из которой была создана печь) как ритуальный земледельческий акт.

³ Определение не проводилось.

⁴ Определение не проводилось.

В украинской народной поэтической традиции, а также в пословицах и поговорках слово «жито» встречается гораздо чаще названия других зерновых культурных растений (Українські прислів'я ..., 2001; Українські народні

пісні ..., 2001). Обычно в этом контексте оно выступает символом достатка и благополучия. В целом тематика использования термина «жито» как символа в жизни украинцев чрезвычайно широка (Я. Музиченко 1994).

* * *

В обоих рассмотренных случаях (вмонтирование горшочка в конструкцию печи; добавление злака в стенки печи) важно обратить внимание на связь домашнего очага с богом-покровителем дома. Так, огонь из печи ассоциировался с образом домового (А. Н. Афанасьев 1995, с. 67) и связывался с культом предков (А. К. Байбурин 1983, с. 108).

В настоящее время известно очень интересное исследование печи из поселения пражской культуры Розтоки (Чехия), где в жилище 1206 (2006 г.) ниже уровня пола была исследована миниатюрная печь. В отличие от обычных печей, исследованных на поселении, миниатюрная версия была единственной печью, повернутой устьем на запад: в направлении, которое в славянской космологии символизирует подземный мир, мир мертвых и предков. Анализ конструкции и контекста не указывает на использование печи как детской игрушки, или по прямому назначению. Исследователи пришли к выводу, что это устройство использовали для связи с предками, благодаря соответствующим обрядам, с целью получить определенную защиту для себя, семьи, проживавшей в жилище, возможно – для общины (M. Kuna, N. Profantová 2011, p. 424).

Таким образом, в ритуально-мифологическом смысле печь выступает сакральным центром жилища, домашним жертвенником, а помещение для славянина отождествляется с храмом, в котором находилось дружелюбное к хозяевам божество, для которого осуществлялись ежедневные жертвоприношения. Свидетельством этого являются зафиксированные этнографами сведения об остатках таких

жертвоприношений у печи. Например, чехи обязательно бросали в очаг часть от приготовленного блюда, подобные жертвоприношения известны среди южных и западных славян (А. Н. Афанасьев 1995, с. 67–70).

В некоторых из этих обрядов фигурирует и горшок. К такому примеру можно привести и обряд связанный с днем «Отдания» или «Видения», 28 января. Когда после ужина хозяева дома оставляли на припечке горшок с кашей обложенный углями для домового (А. Н. Афанасьев 1995, с. 67).

Видимо, важную роль играла и орнаментация вмурованного сосуда. Как уже отмечалось, орнамент горшочка из жилища 6/2007 Лтавы состоял из отпечатков правостороннего гусеничного штампа и располагался на срезах краев, а на туловище – из полоски зигзага. Семантическая нагрузка зигзага имеет несколько значений, одним из которых является стилизованное изображение змея (Э. А. Сымонович 1964, с. 342–343), образ которого занимал значимое место в демонологии многих народов, в том числе и восточных славян (Б. А. Рыбаков 1981, с. 191). Среди большого количества представлений о змее в славянской мифологии (Л. С. Клейн 2004, с. 63–64), выделяется почитание огненного змея, который спускался на землю как молния и имел связь с домашними духами. Такое отношение, вероятно, происходит от того, что огонь печи почитали как небесный огонь Перуна. Поэтому все мифическое окружение этого бога, и подвластных ему грозных духов, было в той или иной степени перенесено на образ домового (А. Н. Афанасьев 1995, с. 67–70).

* * *

Подытожим данные, полученные в результате анализа рассматриваемого материала.

Из чисто практических выводов относительно использования печи из жилища 1/2013 летописной Лтавы (а также в некоторой степени – жилища 6/2007) следует, что: 1) температура печи никогда не была слишком высокой (при температуре 100–110 °С зерно высыхает; 150–230 °С обугливается; 270–300 °С происходит интенсивный процесс обугливания) (Д. Сенько, А. Пинаев 2011, с. 21); 2) принимая во внимание то, что в керамических материалах встречаются отпечатки зерновок (а не собственно зерновок), печь не использовали для обжига керамики, поскольку для этого необходима температура от 500 °С и выше (А. В. Гейко, Т. М. Литвиненко 2001, с. 47). Это наблюдение является важным, поскольку некоторые исследователи роменской культуры высказывали предположение о том, что посуда, изготовленная отдельной семьей

для собственных нужд, выжигалась без применения специальных теплотехнических сооружений на кострах или в обычных бытовых печах (И. И. Ляпушкин 1958, с. 221; О. В. Сухобоков, С. П. Юренко 1995, с. 48). Напомним, что в горшке из жилища 6/2007 Лтавы зерновки также не сгорели.

Опираясь на этнокультурную знаковость ржи, приходим к выводу, что она могла быть использована таким образом исключительно в обрядовых / культовых целях, так сказать, во всех возможных вариациях: 1) рожь сама по себе является символом плодородия и богатства, поэтому и выбор этого злака вряд ли случаен; 2) если при строительстве жилища закладка зерновок злаковых и не прослежена, то они использованы, по крайней мере, в одном из важнейших элементов жилища – печи; 3) добавление ржи в глиняную формовочную массу может быть определено как акт земледельческой символики; 4) симво-

лическое сочетание ржи и огня вполне могло быть «оберегом» здоровья жителей описанного жилища.

Таким образом, учитывая важную роль печи в религиозно-мифологической сфере жизни славян, горшок, найденный встроеным в массив печи, а также непосред-

ственное добавление зерна к телу печи, надо связывать с определенными культовыми / обрядовыми действиями, где печь выступает как жертвенник, а зерно – как своего рода жертва. Главной целью таких действий было получение защиты у домашнего божества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список сокращений

- АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
- АН СССР – Академия наук СССР
- АН УРСР – Академія наук УРСР
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ИА НАНУ – Інститут археології Національної академії наук України
- ИА РАН – Інститут археологии Российской академии наук
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- ЦОДПА – Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації
- Артем'єв А. В.
1999 Морфометричні аспекти зубо-щелепної системи давніх мешканців літописної Лтави (за матеріалами поховання XI ст.), „АЛЛУ”, № 1(5), с. 69–72.
- Афанасьев А. Н.
1994 *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т.*, репринт издания 1868 года, Москва: Индрик, т. 2.
- Байбурин А. К.
1983 *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*, Ленинград.
- Берест Ю. М., Осадчий Є. М.
2001 Нові данні про дослідження Шпилівського та Зарічненського археологічних комплексів, АЛЛУ, № 1(9), с. 102–106.
- Бліфельд Д. І.
1948 Звіт про роботу Шестовицької археологічної експедиції Інституту археології АН УРСР, (= НА ИА НАН України, т. 11).
- 1952 Дослідження в с. Шестовицях, „АП УРСР”, т. 3, с. 123–131.
- Гейко А. В., Литвиненко Т. М.
2001 До питання про визначення температури випалювання посуду роменської культури, „АЛЛУ”, № 1(9), с. 47–48.
- Горбаненко С. А., Пуголовок Ю. О.
2014 Піч із літописної Лтави. Від венедів до Русі, с. 339–344.
- Готьє Ю. В.
1930 *Железный век в Восточной Европе*, Москва; Ленинград. Дослідження...
- 2009 *Дослідження посаду літописної Лтави: 2.* – Інститутська гора, Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., Мироненко К. М., Шерстюк В. В., Київ; Полтава.

- Жайворонок В. В.
2006 *Знаки української етнокультурної символіки*, Київ: Довіра.
- Клейн Л. С.
2004 *Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества*, Санкт-Петербург: Евразия.
- Колекції...
2007 *Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України*. Каталог, Київ.
- Колода В. В.
2001 Житло з жертвеником на Мохначанському городищі, „АЛЛУ”, № 1(9), с. 42–46.
- Кулатова І. М., Мироненко К. М., Приймак В. В., Супруненко О. Б.
1999 Житлово-господарські комплекси X–XIV ст. з розкопок посаду літописної Лтави 1998 р., „АЛЛУ”, № 1(5), с. 47–68.
- Левашова В. П.
1956 Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни, „Тр. ГИМ.”, № 32, с. 19–103.
- Літопис...
1989 *Літопис руський (за Іпатським списком)*, Перекл. Л. Махновця, Київ.
- Ляпушкин І. І.
1958 Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства, (= МИА, № 74).
- 1961 *Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа*, (= МИА, № 104).
- Мавродин В. В.
1946 *Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства)*, Ленинград.
- Максимов С. В.
1873 *Куль хлеба* (Переиздана: 1985 г., Москва).
- Музиченко Я.
1994 Жито. Українські символи, Київ, с. 125–129.
- Нидерле Л.
1924 *Быт и культура древних славян*, Прага.
- Пашкевич Г. А.
1991 *Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.* Каталог II, Препринт, Киев.
- 2000 Палеоэтноботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология, Москва, с. 101–109.
- Пашкевич Г. А., Горбаненко С. А.
2009 *Результат палеоэтноботанических исследований відбитків на виробках з глини з Більського городища (скіфського часу)*, рукопис, Київ.
- Пуголовок Ю. О.
2009 Про дрібну керамічну пластику роменської культури, „Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: тези доповідей”, Чернігів, с. 158–160.

- 2009a Про один із фактів поклоніння домашнім духам у середовищі літописних сіверян (за матеріалами розкопок у Полтаві в 2007 р.), „Магістеріум. Археологічні студії”, Київ, Вип. 36, с. 56–58.
- Русанова Н. П., Тимошук Б. А.
2007 *Языческие святилища древних славян* – М.: Ладога-100; ИА РАН.
- Рыбаков Б. А.
1981 *Язычество древних славян*, Москва.
1987 *Язычество Древней Руси*, Москва.
- Свистун Г. Є., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.
2010 Пічка XVII ст. з відбитками зернівок з Чугуївського городища, [w:] *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні*, Київ, с. 148–156.
- Сенько Д., Пинаев А.
2011 Особенности противопожарной защиты объектов с технологическими процессами сушки, „Алгоритм Безопасности”, № 3, с. 20–21.
- Седов В. В.
1982 *Восточные славяне в VI–XIII вв.*, (= Археология СССР с древнейших времен до средневековья, t. 14), Москва.
- Словарь
В. И. Даля. Жито, <http://sldal.ru/dal/7959.html>
- Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О.
2008 Пізньороменське житло на посаді літописної Лтави, Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень: ІА НАНУ, t. 2, с. 122–131.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П.
1995 *Опошнянское городище: по материалам археологических исследований 1975 г.*, Полтава.
- Сымонович Э. А.
1964 Орнаментация черняховской керамики, „МИА”, № 116, с. 270–361.
- Третьяков П. Н.
1947 Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли, „Археологія”, t. 1, с. 123–140.
- Українські народні пісні...
2001 *Українські народні пісні. Колядки. Щедрівки. Пісні про кохання. Козацькі пісні. Романси*. Харків.
- Українські прислів'я...
2001 *Українські прислів'я приказки та порівняння з літературних пам'яток*, Київ.
- Школьный...
диалектологический атлас. Язык русской деревни, <http://www.gramota.ru/book/village/map3.html>
- Kuna M., Profantová N.
2011 Prague-Type culture houses. Aspects of form, function and meaning, „Histria Antiqua”, t. 20, p. 415–426.

Jurij Pugolovok, Sergiej Gorbanenko

Piec jako miejsce kultu w domostwie Siewierzan. Dane archeologiczne

Streszczenie

Nasza wiedza o znanych ze źródeł pisanych Siewierzanach, w tym również o wiązanych z nimi kulturach wołyńcewską i romeńską, jest wysoce niezadowolająca. Dotyczy to również sfery wierzeń. Pewne kultury były tak szeroko rozpowszechnione, że postrzegano je jako zwykłe, pospolite zjawiska. Jednym z obiektów codziennego, „bytowego” kultu był piec – jedno z najważniejszych (a może najważniejsze) urządzeń w chacie. Niewątpliwie piec stanowił swego rodzaju domowy ołtarz, miejsce kultowe. Potwierdzają to odkrycia archeologiczne. Znamy dwa przypadki umieszczenia miniaturowego naczynia w ścia-

nie pieca (grodzisko Šestovica koło Czernihowa, chata 1/1968; grodzisko w Połtawie, identyfikowane z wymienianą w latopisach Łtawą, chata 6/2007); w drugim przypadku naczynie było wypełnione ziarnem i gliną. Kolejne odkrycie z grodziska w Połtawie (chata 1/2013) reprezentuje okazały fragment sklepienia pieca glinianego z dużą domieszką ziaren żyta (*Secale cereale*). Znależiska te należy wiązać z praktykami kultowymi. Mogą być one interpretowane jako składanie ofiary na ołtarzu domowego bóstwa, by uzyskać jego opiekę i pomyślność.

